

Группировки архитектурного фронта и задачи пролетарских архитекторов

Определяя в 1929 г. положение на советском архитектурном фронте, Объединение пролетарских архитекторов (ВОПРА) в своей декларации отмечало засилье в архитектурной практике конструктивизма, формализма и эклектизма¹ и вскрыла их связь с соответствующими течениями архитектуры капиталистического Запада.

В противовес лозунгам и практике этих течений ВОПРА выдвинуло борьбу за пролетарскую архитектуру.

Декларация ВОПРА вызвала² целый ряд «опровержений» со стороны соответствующих архитектурных объединений, которые до этого времени представляли себя как «материалистические» (конструктивизм), «новаторско - антибуржуазные»³ (формализм), «лояльно - советские» (эклектики) течения.

Однако спор решают не эти опровержения, а анализ идейно-творческих установок соответствующих объединений, анализ и оценка их практики.

С этой точки зрения те оценки, которые суммарно были даны в декларации, были в основном правильны.

В процессе развертывания архитектурной практики СССР и обострения классовой борьбы все яснее обнаруживался немарксистский, непролетарский характер идейно-творческих установок указанных течений и их неспособность, оставаясь на позициях этих установок создать архитектуру, соответствующую требованиям социалистического строительства.

Ясно обнаружилось, что идеология реставраторства и эклектизма выражает идейно-политические стремления, с одной стороны, остатков дворянства и поповщины, с другой — буржуазии и кулачества, вытесняемых и ликвидируемых победоносным ходом строительства социализма. Бешеное сопротивление и борьба этих социальных групп против наступающего пролетариата нашли свое выражение в активных выступлениях реставраторов и эклектиков, в их борьбе против пролетарской архитектуры.

Ставя своей задачей реставрацию старых типов и стилей архитектуры, создававшихся в эпоху господства феодалов и буржуазии и отвечающих потребностям и идеологии бывших господствующих классов,

¹ Эклектической называют архитектуру, которая механически воспроизводит разные стили, давая их смешение в одном и том же сооружении.

² См. «Печать и революция», 1929 г., кн. VI, Декларация.

³ Под новаторством в противоположность эклектизму понималась борьба за новые формы и принципы в искусстве.

представители этого течения добивались и добиваются объективно реставрации буржуазно-помещичьей культуры, а следовательно, и реставрации соответствующих ей общественных отношений.

Классовая физиономия этого реставраторства четко выявилась на практике. Достаточно указать на тот проект, который дало Московское архитектурное общество (МАО) на конкурсе проектов Дворца культуры Пролетарского района.

Известно, что при сносе Симонова монастыря, на месте которого строится Дворец, пришлось преодолевать сопротивление защитников старины. Один из лидеров эклектизма, архитектор Щусев, подал в высшие правительственные органы докладную записку, в которой он возмущался тем, что рабочие собираются уничтожить «без всякой надобности» военные сторожевые симоновские укрепления, которые являются одним из лучших памятников древней архитектуры. Щусев рассматривает это как «давление несознательной группы рабочих», как действия вредителей.

Подобные защитники старины, считающие, что пролетариат не имеет права тронуть ни одного камня на памятниках эпохи феодализма, что задача возведения пролетарского Дворца культуры — ничто по сравнению с задачей охраны «лучших памятников древней архитектуры», получили хороший отпор от пролетарской общественности.

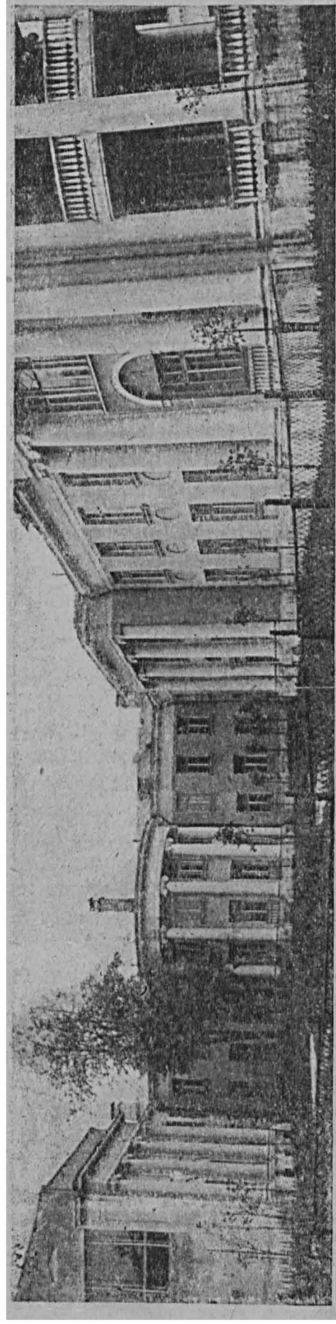
Мы приводим только наиболее яркий случай. Однако достаточно хорошо известно, что на протяжении последних лет мы имели ряд совместных выступлений реакционных сил в архитектуре и искусстве: с защитой старины, превращавшихся в определенные политические демонстрации. Для обоснования этих выступлений эклектизма и реставраторства в архитектуре пускаются всевозможные средства. Нередко в этом отношении им помогали и те учреждения, от которых исходят архитектурные заказы.

На многих конкурсах и в ряде выступлений фигурировало, например, требование приспособить новую архитектуру к старой. Программа конкурса на проект Ленинской библиотеки требовала, чтобы проект учитывал окружающие исторические памятники (Манеж, Кремль, Пашков дом) и не вступал с ними в «кричащее противоречие». Одновременно с этим программа требовала, чтобы проект отвечал «характеру эпохи, воплотившей волю трудящихся к строительству социализма, и был достойным памятником великому основоположнику новой жизни, В. И. Ленину».

Противоречия этой программы — действительно «кричащие». С одной стороны, будь памятником социалистического строительства и пролетарской революции, а с другой — не смей вступать в противоречия с различными древностями, посягающими на себе печать классово чуждой нам эпохи.

Это с очевидностью показывает, что приверженцы такого рода приспособления или теории «ансамбля»¹, проповедуют своего рода «клас-

¹ Ансамблем называют совокупность сооружений, образующих целостное единство как по содержанию, так и по художественно-архитектурной выразительности.

Глазная лечебница на Садовой-Черногрязской—архитектор Иванов-Шид

совый мир» в архитектуре с весьма определенной целью не допустить развития новой, классово пролетарской архитектуры.

К этому же направлены лозунги реставраторов, гласящие, что непревосходимыми образцами, нормами являются произведения классических стилей (сравни, например, практику архитекторов Жолтовского, Щуко и др.). Ясно, что при этом они толкуют старые стили внеклассово, нормативно¹. Эти лозунги закрывают путь для развития пролетарской архитектуры, толкают пролетариат на путь некритического преклонения перед классикой, прививают неверие в творческие возможности самого пролетариата.

Выводя развитие архитектуры из вечных «провиденциальных»² законов, реставраторы и их апологеты выступают как представители воинствующего национализма. Так, по мнению профессора А. Некрасова, «как исторически необходимо было, чтобы современное положение вещей в русской нации было осуществлено ею, так исторически необходимо, чтобы русский ампи́р оказался стадией развития архитектуры, наиболее близкой к современному стилю. Так в искусстве, как и всегда, осуществляется момент национальный». Реставраторы стиля ампи́р получают здесь свое оправдание, как строители нового национально-русского стиля. Политическая сущность этих положений сводится к проповеди великодержавного национализма, на который опирался буржуазно-помещичий строй, проповеди, явно контрреволюционной.

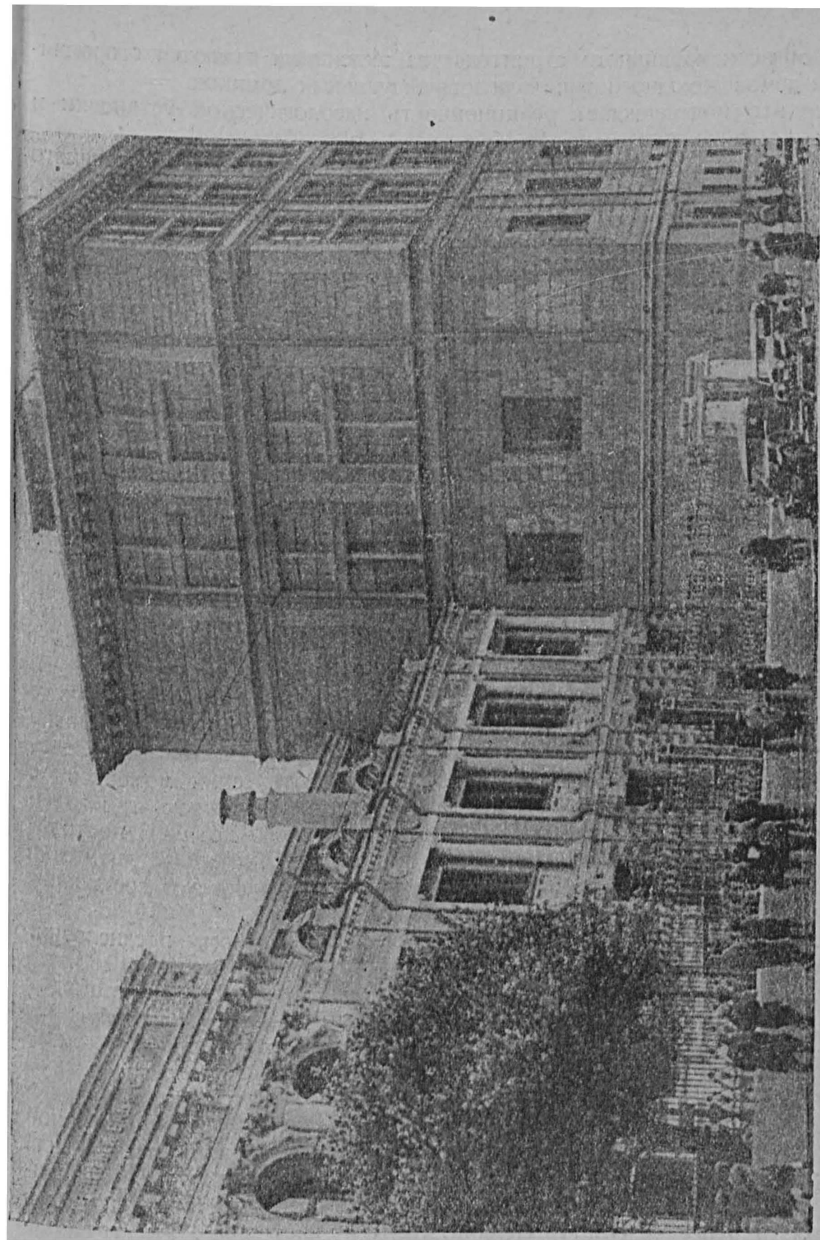
Методологически же профессор Некрасов исходит из признания «особых» путей «русской нации», ее духовного развития. Этот национальный дух «определяет собою» и бытие (см. его статью «Пути архитектуры», «Печать и революция», 1928 г., кн. IV). Такова позиция и таково рассуждения защитников реставраторства.

Если брать идеологию реставраторства в целом, то ее характерными признаками являются: а) идеалистическое положение о примате «духа» над бытием, о провиденциальности развития исторического процесса и др. положения поповствующего характера; б) выдвижение внеклассовых категорий (раса, нация, культура вообще и т. п.) как определяющих развитие архитектуры; в) нормативизм; г) преклонение перед старой архитектурой (феодалской и буржуазной классической эпохи); д) проповедь классового мира в архитектуре и отрицание пролетарской архитектуры.

К этому надо прибавить консервирование старых типов архитектуры, идущее в разрез с требованиями социалистического строительства (церковь и монастырский ансамбль, дворянский особняк, античный храм, дворец, ви́лла и т. п.). Характерными образцами этого являются лечебница на Саловой-Черногрозской, выстроенная в виде ампи́рной усадьбы (проекты и здания Жолтовского, воскрешающего ансамбли эпохи Ренессанса), всевозможные копии сенатских зданий, царских дворцов и храмов и т. п.

¹ Нормативность — подчинение раз навсегда установленным правилам вне зависимости от конкретного содержания.

² Провиденциальный — определенный «высшей волей», богом.

Здание Госбанка (Москва, Неглинная) — архитектор Жолтовский

В области жилищного строительства эклектики являются сторонниками домов доходного типа или индивидуальных домиков.

Все это подтверждает реакционность идеологической установки и практики эклектиков.

Возвращаясь к примеру конкурса на Дворец культуры Пролетарского района, мы должны отметить, что реставраторы сделали еще одну попытку протащить свои реакционные идеи. На конкурс был представлен проект МАО (архитекторы: Гольц, Парусников, И. Соболев), который под видом Дворца пролетарской культуры преподнес аккуратно реставрированный ансамбль Симонова монастыря.

Жюри конкурса совершенно правильно оценило этот проект как «вылазку воинствующей реакции против пролетарской архитектуры».

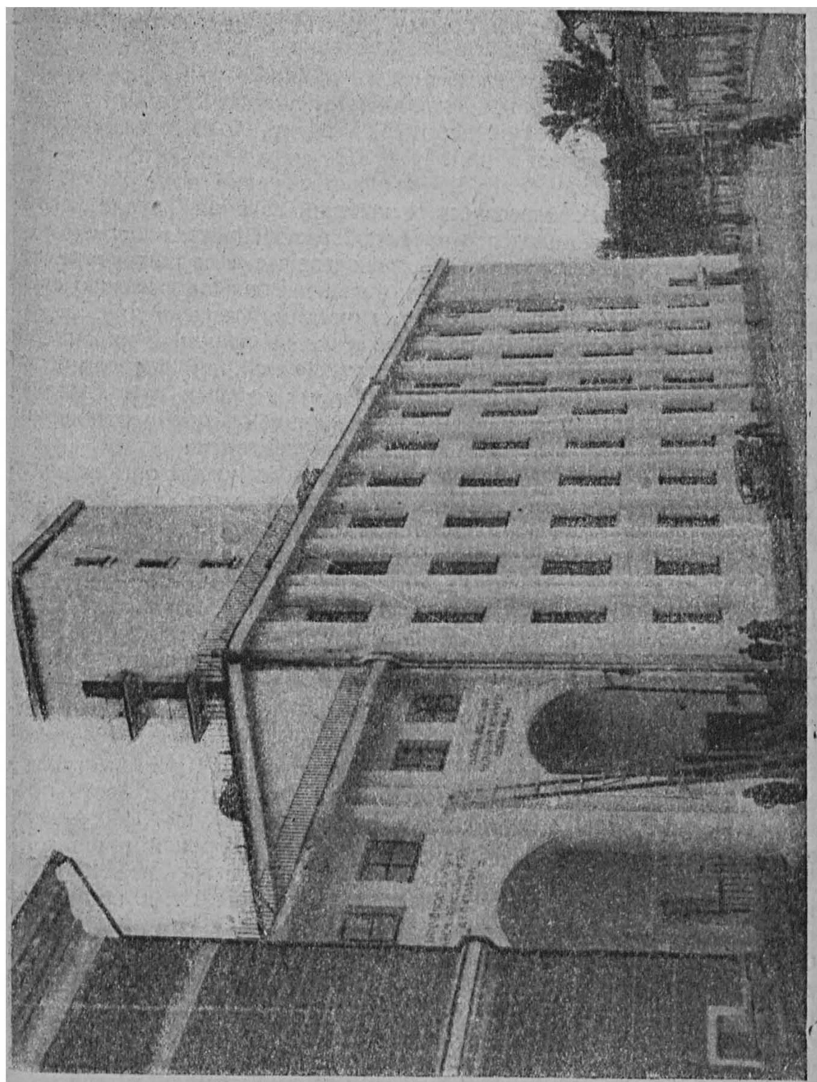
Интереснее всего то, что этот проект был создан не старыми эклектиками, закостеневшими в своих реакционных убеждениях и всюду подсовывающими атрибуты церковной и дворянской архитектуры, а молодыми архитекторами, окончившими советские вузы. Это свидетельствует о том, что эклектизм отнюдь не сложил своего оружия, что он использует всякий случай, чтобы подsunуть реакционные, консервативные проекты, и, наконец, что эклектики имеют свою достойную смену.

Об этой смене необходимо сказать несколько слов.

Если московский ВХУТЕИН по части архитектуры находился в руках формалистов и конструктивистов, то эклектики обосновались в Ленинградской академии художеств.

В сборнике композиционных работ архитектурного факультета Академии художеств, изданном в 1929 г., редакционное предисловие обосновывает этот эклектизм с достаточной открытостью. Здесь мы имеем проповедь той помеси конструктивистических моментов с «классическими» традициями, которая составляет сущность так называемого «советского классицизма», представленного хотя бы постройками архитектора Фомина (здание Моссовета и т. д.). Едва ли можно представить себе что-либо более удручающее, нежели это соединение казарменности с потугами на монументализм.

Однако послушаем, что говорится в редакционном предисловии: «Новое направление в архитектуре: конструктивизм, новый материал — железо-бетон — вот факторы, под знаком которых проходит первое пятилетие революционной архитектуры СССР... Целесообразная организация пространства, отвечающая функциям сооружения, окружающей среде, свойствам материала и конструкций при обязательном учете законов ритма, гармонии и восприятия, — вот сущность художественного рационализма, сущность всякой здоровой архитектурной школы. И именно в художественном рационализме заключается сила и жизненность истинно классической системы архитектуры... Традиции классические, т. е. традиции понимания настоящей архитектуры в целом, в аспекте культуры прошедшей и настоящей, эти традиции живы в Академии и дают твердую основу для выработки в ее стенах подлинной архитектуры, архитектуры большого нового стиля, как оформления современных социально-экономических и бытовых усло-

Здание Моссовета—архитектор Фомин

вий»¹. Итак, вот по какому рецепту изготавливается эклектика: немножко от конструктивизма, немножко от формализма, еще откуда-нибудь, все пропустить сквозь призму классических традиций — и новый стиль готов. Надо ли говорить, что на поверку этот новый стиль оказывается беспринципной смесью старых архитектурных форм, подправленных конструктивизмом.

Примеры этого можно найти в том же сборнике (см. «Дом научных и технических съездов» Лялина, являющийся смесью классики с архитектурой восточных деспотий, работы Ю. Щуко, Ломагина, Неронова, Малаховского, И. Фомина и др.).

Практика социалистического строительства резко подчеркнула несоответствие подобных классических исканий задачам пролетарской архитектуры, выявила их идеологическую враждебность.

В свою очередь реставраторство, процветавшее в архитектуре национальных республик и областей, все больше и больше выявляло свою прямую связь с буржуазно-националистическими тенденциями.

Тем самым получила полное подтверждение на практике характеристика эклектики как «реакционной и враждебной нам идеологически по воскрешению к жизни форм, свойственных чуждым нам классам» (декларация ВОПРА). Эклектики представляют в классовом отношении наиболее враждебное пролетарской архитектуре течение.

Они пользуются всякой возможностью для того, чтобы организовать поход против пролетарской архитектуры. Такой поход был организован, например, на совещании советской общественности по вопросу о проекте нового здания публичной библиотеки им. В. И. Ленина (29/I 1930).

Принятие жюри проекта Щуко вызвало резкий протест всех архитектурных группировок за исключением МАО. В частности ВОПРА указывало на реакционность этого проекта, воскрешающего отжившие архитектурные формы.

Как бы в ответ на это на указанном совещании выступил художник А. М. Васнецов (представитель реакционно-реставраторского крыла в живописи), который заявил, что против проекта Щуко выступают «левши», т. е. представители «левого искусства», которое «есть продукт пресыщения буржуазии конца XIX и начала XX в.». «Но,—заявляет Васнецов,—здоровая демократия требует здоровой пищи... Ей не нужны попытки «левши» создать какое-то пролетарское искусство. Эти пролетарские художники, писатели, архитекторы и т. д. не нюхали пролетариата»².

Свалив, таким образом, в одну кучу пролетарское искусство и «левые течения» буржуазного искусства, Васнецов занялся злобными выпадами против самого лозунга пролетарской архитектуры, отрицая вообще пролетарское искусство; по всей вероятности, «здоровой пищи» для пролетариата он считает эклектику Щуко и всю реакционно-мещанскую живопись.

¹ Архитектурный факультет Академии художеств, 1929 г. Предисловие редакции.

² Цитирую по стенограмме совещания — А. М.

В своих «доказательствах» Васнецов договорился до объявления идеальной формой хранения книг метод Ивана Грозного, запрятывшего их в подземелье. Он пугал и градом, и пожаром, и всякими ужасами всех тех, кто не согласен с проектом Щуко.

«Первую русскую библиотеку создал Иван Грозный и спрятал ее в подземелье. Когда Москва выгорела с конца до конца, драгоценности, которые у него были, частью вывезенные из Византии, частью привезенные Палеологами, находились под землею в безопасности. Конечно, Ленинскую библиотеку нельзя спрятать в подземелье, но надо принять во внимание противопожарные и противоградобитные сооружения».

Мы нарочно привели этот образец реакционной косности и слабости для того, чтобы подчеркнуть, что защитники реставраторства и эклектики не брезгуют никакими средствами.

Одобрив Щуко, некоторые ораторы на том же совещании требовали еще большего реставраторства. Например, *Белогруд* заявил: «Совершенно прав Щуко, когда он делает этот великолепный подход с этой стороны. Жалко, что он не развивает в виде пропилей, в виде портиков, чтобы превратить это здание в храм, чтобы это здание было настоящим святилищем. Это было бы очень ценно».

Наряду с этой поповской проповедью «святилищ» как ее необходимое сопровождение сыпались и выпады по адресу пролетарской архитектуры, нередко прикрытые «деловыми» соображениями. Так, некто Руднев заявил: «Я лично в своей работе не чувствую себя ни буржуазным, ни пролетарским архитектором, а стремлюсь дать такие здания, которые являлись бы жизненными. Если скажут, что моя архитектура — пролетарская, очень рад, а если скажут, что буржуазная, — это мне безразлично».

Отрицание классовости архитектуры, пролетарской архитектуры, маскируется здесь делячеством. В свое время Шусев также выступил на дискуссии в Комкадемии (о буржуазных тенденциях в архитектуре) с призывом «прекратить драку и споры, ибо работы всем хватит, и нужно заниматься делом». У него делячество соединялось с лозунгом «живи и жить давай другим».

Приведенные примеры показывают, насколько значительно активность реставраторов и эклектиков в архитектуре. Эта активность, связанная с обостренной классовой борьбой, в области архитектуры находит более значительное выражение, нежели в других областях, в силу того, что буржуазные течения здесь еще не разоблачены как следует, а пролетарские кадры представлены более слабо, чем на других участках идеологического фронта. Немалую помощь оказывают реставраторам и эклектикам и отдельные руководители созаппарата, подерживая их работы и давая заказы в первую очередь «маститым» архитекторам-эклектикам.

Об этом свидетельствует самый факт популярности Щуко, Шусева, Жолтовского — лидеров эклектики среди «заказчиков»-учреждений, принимающих без всякой критики их проекты. Многочисленны также

случаи защиты буржуазно-националистических тенденций в архитектуре национальных республик и областей.

В этих условиях перед пролетарскими архитекторами стоит задача дальнейшего развертывания самой беспощадной борьбы против эклектиков и реставраторов, задача разрома эклектизма как враждебного идейно-политического течения и одновременно с этим задача борьбы против примиренческого отношения к эклектизму.

Если мы от эклектизма перейдем к формализму, то и здесь совершенно ясна несовместимость идеалистической, махистско-картианской основы их творчества с задачами пролетарской архитектуры. Банкротство формализма как идейно-творческого течения обнаружилось во всех областях: в области теории, педагогики и практики.

В нынешнем году пролетарскими архитекторами и общественностью АСИ¹ проведена значительная кампания против так называемой леонидовщины. Эта кампания вышла далеко за пределы обсуждения работ Леонидова и его сторонников, превратившись в борьбу против буржуазных и мелкобуржуазных течений в архитектуре, нашедших свое законченное выражение в предельном отрыве от практики, стопроцентном идеализме, формализме, «архитектуре для архитектуры», абстрактном утопизме и сочинительстве.

Это была борьба за пролетарскую архитектуру, за ее метод против всевозможных разновидностей формализма.

В условиях развернутого социалистического наступления, ставящего задачи создания пролетарских кадров архитекторов, вооруженных для выполнения конкретных задач строительства, система формалистической подготовки кадров превратилась в прямое пособничество классовому врагу.

«В то время, как наша страна нуждалась в новых, пролетарских, кадрах, могущих разоблачить вредителей, противопоставив им пролетарскую квалификацию, выпускались архитекторы, рисующие колоссальные небоскребы и дирижабли на бумаге и неспособные подчас запроектировать технически грамотно небольшое двухэтажное сооружение. Выпускались группы искалеченных специалистов, непригодных для строительства. Такая постановка как нельзя лучше играла на руку вредителям»².

Разгром леонидовщины явился разоблачением идейно-творческих установок формализма и формалистического конструктивизма.

В отношении их установок и практики оценка ВОПРА оказалась также правильной.

Неспособность к решению конкретных задач, выдвигаемых социалистическим строительством, со стороны формализма и формалистического конструктивизма подтвердила эту оценку. АСНОВА и АРУ не смогли дать правильного решения вопроса об архитектуре соцгорода, о новом типе жилья и т. д.; их лозунги урбанизма, сведение архитектуры к абстрактной форме ничего общего с марксизмом и пролетарской архитектурой не имеют.

¹ АСИ — Архитектурно-строительный институт в Москве.

² Мордвинов. Леонидовщина и ее вред. «Искусство — в массы» № 12, 1930 г.